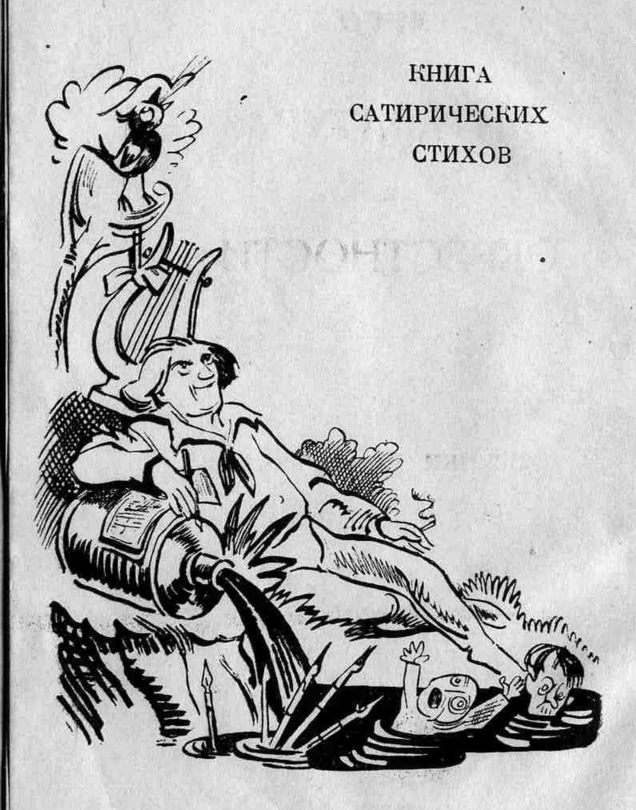

ОГИЗ Молодая гвардия . 1933.

КНИГА
САТИРИЧЕСКИХ
СТИХОВ

АРГО

ЛИТЕРАТУРА
И
ОКРЕСТНОСТИ

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА
ХУД. А. РАДАКОВА

ОГИЗ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1933

Редактор Н. Родионов

Техред Л. Юркевич

Сдано в производство 23/VII 1933 г.
Подписано к печати 23/IX 1933 г. М. Г.—3930
Инд. Д-4. Форм. 62×94 1/32. 2 1/2 печ. л.
Уполном. Главл. Б —32799. Зак. 810. Тираж 6 000

18-я типогр. треста «Полиграфкнига». Москва, Варгунихина гора, 3.

ЛИТЕРАТУРА
и окрестности

«...Кроме граза ставить винительный падеж вместо родительного и еще кой-каких так называемых поэтических вольностей, мы никаких особенных преимуществ за русскими стихотворцами не признаем».

ПУШКИН, «Египетские ночи»

Действительное происшествие, случившееся с автором в ночь с 29 на 30 декабря 1932 г., или

то, чего не было

«Пускай могила
меня накажет...»

Бывшая народная песня.

«Но не хочу, о други, умирать».

А. ПУШКИН

1

Сердце,
Сдержи удары,
Убийственный час пришел...
Четыре санитара
Меня волокут на стол.

И тент полированный поднят,
И нет пути назад...
Мне предстоит сегодня
Особенный маскарад.

И первым мазком эфира
Ошпарен и отлущен,
Я слышу из дальнего мира
Доносится:
— Хорошо!
И, грань проходя за гранью,
Отчетливо чувствую я
Последнюю грань Сознанья
И первую Небытия.
И в'езжаю четко и точно
В густую, добротную тьму..
На этом ставится точка...
Мир..
Праху..
Моему...

2

Но нет, я не доволен этой точкой!
Я должен знать —
пусть это будет сон,—
Что делают с моею оболочкой
В то время, как душа уходит вон?
И вижу я, как без ненужной тары
Мой утлый прах от пяток до щеки
Берут уже отнюдь не санитары,
А опытнейшие гробовщики.
Они неукоснительно проворно

Кладут меня во гроб
изделия Мосдрев,
На коем гробе буквы
«Эм» и «Эф»,
Что означает:
«Малой Формы»!
Мне в этот гроб войти не суждено!..
Мне в том гробу невыносимо тесно!
Я протестую!..
Выпираю!
Но —
Кому понять покойничьи протесты?..
Я втиснут в гроб
и медленно плыву.
Курс — крематорий,
через всю Москву!..

3

Так, в развитье процедуры
Волокут меня Хароны
Мимо пушкинской фигуры,
Мимо герценской хоромы.
И друзья различной масти
Судят о моей особе:
— Он не сделал пятой части
Из того, на что способен!
Так уходит прочь со сцены,

Тот, что юной силы полон,
Тот, которого оценят
Лишь тогда, когда ушел он!

Я внимаю краем уха
И посмертно благодарен —
Если верить этим слухам,
Я, пожалуй, не бездарен...
Это просто, очевидно,
Потому, что тут же сбоку
Двое критиков солидных
Меж собой вступают в склоку:
Каждый требует вниманья,
Вопия пред целым светом:
— Я открыл в нем дарованье!
— Я признал его поэтом!
Каждый норовит бесплатно
Стать моим папашей крестным.
Это одному приятно
И другому интересно!

Дальше!
Мимо!
Завершенье.
И предел мечты о благе —
Мне подносят разрешенье
На двенадцать тонн бумаги!
Исполняется заданье
Добросовестно и веско:

Первое мое изданье
Выйдет в свет с посмертным блеском;
Чтобы стих мой встал из праха,
Чтоб читатель мной проникся,—
Предисловье Авербаха!!!
И рисунки Кукрыниксов!!!

Дальше!
Кто-то с миной сдобной
Прибежал ко мне вприпрыжку
Положить на бедный гроб мой
Златоустинскую книжку.

Эта книжка, этот пропуск,
Что не всяким выдается,
Представляет лучший опус
Из всего, что издается.
В самом деле —
я, доселе
Бывший вялым и инертным,
С этой книжкою на теле
Тут же делаюсь бессмертным.

И сквозь медленную дрему
Слышу я фанфары звуки:
— То, что грезилось живому,
Мертвому дается в руки!

И грохочут миллионов
И приветствия и крики:
— Ты бессмертен,
как Леонов,
Как Пильняк,
как Боборыкин!

4

Мелькают плакаты, афиши,
Окраин мощеная ширь,
И вот
докатилися:
бывший
Донской монастырь.

Крематорий.
Цветы.
Лампы.

С нежностью смешана грусть,
Под звуки бывшего РАПМ'а
Торжественно я хоронюсь.

И меня бесконечно жалко
И публике,
и мне.
И вот я снят с катафалка,
И вот я на огне

И меня, как пирог-вертуту,
Кладут на должный фасон,
И в эту
затянувшуюся минуту
Кто-то говорит:
— Все!

— Все! — Это слово короче
И решительней слов других...
— Все, — друзья бормочут.
— Все, — говорят враги.

•

Все, что когда-то боролось,
Превращается в чей-то сон.
И тут же явственно чей-то голос
Говорит
опять-таки:
«Все!»
Это доктор, собственноручно
Налагая последний шов,
Говорит:
— Все благополучно.
Поздравляет:
— Все хорошо.
И в радости несметной
Я клянусь своей головой:
— Хорошо, что я не бессмертный,
А наоборот —
живой!

3 февраля 1933 г.

Его карьера

1

Сегодня, сегодня счастливей всех
Поэт Лаврентий Косых.
Сегодня в журнале,
на третьей полосе,
Напечатан его
стих!
В том стихе
(довольно хороший стишок) —
Всякого добра по куску:
Сперва про Запад,
потом про Восток,
И немножечко про тоску.
В общей сложности столько-то строк
По стольку-то за строку...

Но можно ли говорить про деньгу,
Когда в груди торжество?
Поэту, я вас уверить могу,
Слава нужней всего,
Слава — и более ни гу-гу,
И более ничего.

На нем цветет признания клеймо,
Перед ним приличный обед.
Он придет домой

и напишет письмо
О том, что он был как-никак дерьмо,
А стал как-никак
поэт!

И дух поэта на все голоса
Поет о победе своей;
Он побрился
и даже завился,
И идет, напевая «Джон Грей»;
И ему улыбается улица вся —
От женщин до лошадей!

2

Было так:
в четвертом часу
В редакции слышен звонок.
— Пришлите на третью полосу
Столько-то строк...
Это услыша, зевнул секретарь
Закрытым ртом, через нос,
И сказал помощнику своему:
— Пошарь
Каких-нибудь там стихов.
И тот запускает в ящик стола
Руку, верную, как весы...
И первое, что рука нашла,
Был Лаврентий Косых.

Там были стихи о гражданской войне,
Про наш Советский союз,
О солнце, о море и о весне —
Словом, на всякий вкус:
Для тех, кто любит сталь и свинец,
И для тех, кто любит арбуз.

Тут песня, там рабочий гимн,
Здесь кованый сонет...
Но одного не смешать с другим
Никакой возможности нет.
И время настало. Свершился сдвиг.
Случай вышел такой,
Что стихи поэта по имени
Косых
Оказалися под рукой;
Стихи про Запад
и про Восток,
И немножечко про тоску,
В общей сложности столько-то строк,
По стольку-то за строку.

Небывалый случай

Это не выдумка — выдумки нет,
Это не может быть названо бредом.
Пришел в издательство некий поэт
И стихи положил пред предом.
И пред учтиво, учтя нужду,
На миг прервав деловую беседу,
Рукопись тут же тычет реду,
И ред, просмотрев ее на ходу,
Говорит:
— Подходящее. В самый раз.
Берем. Печатаем. Деньги сейчас.
И вот в тиши канцелярско-келейной
Перья выскребывают ордера,
И все готово.
И марки наклеены,
И поэт у кассы стоит.
Ура!
И получивши без оговорок,
Что ему следует,—
Тридцать иль сорок,
Бежит домой, довольный вполне,
Утолять свои аппетиты.

Этого не было.
Это было во сне,
Но все-таки без волокиты.

Козьма Прутков и Я

«Когда в толпе ты видишь человека,
Который наг
(вариант: на коем фрак),
Чей лоб мрачней туманного Казбека
и мутен зрак....»
КОЗЬМА ПРУТКОВ

Когда на белый лист уставя взор свой,
Я восседаю за своим бюро
И с непередаваемым упорством
Грызу перо;
Когда в стихе от самой первой строчки
Я заметчаюсь вдохновенно, чтоб
Найти врага и, доведя до точки,
Ударить в лоб;
Когда ищу достойных выражений
И, так сказать, необходимых слов,
Тогда встает передо мной твой гений,
Козьма Прутков

Когда в иных ученых разговорах
Какой-нибудь засушенный урод,
Набрав цитат неимоверный ворох,
Дает им ход
И, завершая выспреннее слово,
Сам от своих познаний без ума,
Тогда тебя я вспоминаю снова,
О ты, Козьма!

Затем, когда писателя я вижу,
Который «приобык» с давнишних пор
Классически заваренную жижу
Сдавать в набор;
И в свет идет листов на сорок с гаком
Роман с развитьем мировых идей,
Где не найти под искрометным лаком
Живых людей:
Все налицо — колхоз плюс новостройка.
Рецепт приготовления готов,
Но стряпает опять не кто иной, как
Козьма Прутков!
Козьма Прутков!
Тебе мое доверье,
Тебя я непереносимо чту,
Ты — доживающее лицемерье
У нас в быту!
Воистину, самовлюблен до дури,
Ты перелез октябрьский частокол
И место получил в литературе
И в жизнь вошел..
Уж как тебя ни крыли, так и этак,
Ты все ж авторитетен и хорош.
Кто знает, через сколько пятилеток
Ты пропадешь!

Тверже меди

*В Дюссельдорфе, на родине Гейне,
городские власти категорически отказываются поставить памятник поэту.*

Отказать любимцу гордой славы
В праве на казенный монумент?
Разве нужно на бессмертье право?
Разве нужен гению патент?
Нет! Поэт нисколько не в обиде,
Если те, кого он ненавидел,
Те, кого оплевывал в упор,
Позабыть не могут до сих пор.

Это значит, что филистер тертый
Выдает себя же с головой —
Значит, Гейне для него не мертвый,
А действительно живой!
Я читал и думал:
если эту
Тупостью зарезанную смету
Сохранят грядущие века,
То то будет памятник поэту,
Стоящий чугунного венка!

Товарищ Беранже

1

Ваш юбилей в литературном цехе
Прошел под знаком нынешнего дня.
Вы думаете: «Говорят о смехе,
Так позабыть не могут и меня!»
И правильно: забытого поэта
На вольный воздух волокут уже,
И жизнь кипит, с улыбки сняли вето,—
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

2

И вот проделан творческий анализ,
И выявлено ваше мастерство!
А прежде как о вас же отзывались?
«Малоформист — и больше ничего!
Писал себе какие-то куплеты
О бодрости, любви и мятеже!
Ему в Большом Искусстве места нету».
Вам нравилось ли это,
Товарищ Беранже?

3

Поэты наши намудрили вдосталь,
А ваша простота — сегодня клад!
Итти за вами — это, значит, просто
Итти вперед, а вовсе не назад!

Нет, ваша песенка еще не спета,
Она претит педанту и ханже,
Им звонкий смех опаснее декрета.
Не нравится им это,
Товарищ Беранже!

4

Вы. как поэт. честны и бескорыстны,
Вот он, Париж, Киаппа и Тардье!
Они для вас должны быть ненавистны
При вашем на мошенников чутье!
Идите к нам! Одна шестая света
Все перечтет в повторном тираже.
Вот предложенье от Страны Советов,—
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

5

Поверьте мне, что, с нами поработав,
Вы молодость узнали бы опять,
Вы указали б на «Искариотов»
И «Червяков» смогли бы отыскать.
Вы притянули б пошляка к ответу,
Нашли бы всех примазавшихся «лже»!
Работа есть,— на правду нет запрета!
Вам нравится ли это,
Товарищ Беранже?

Жираф и насморк

(Басня)

Жираф, который жил, как форменный затворник,
Пошел гулять и ноги промочил.
Случился этот факт во вторник,
Но только в пятницу он насморк получил.
Три долгих дня прошло, покуда
До шеи донеслась простуда.

Выходят книги в свет—и можно ль умолчать?—
В иных немного творческого хмеля:
Они сдавалися в печать
До двадцать третьего апреля!

Жажду славы

(Письмо одного писателя одному критику)

Почтеннейший товарищ (имярек),

Вы — публицист, талантливый и честный,
И вообще — достойный человек,
А я — писатель неизвестный,
Я с детства вас читал
и почитал
Хранителем устоев и традиций,
А некоторые страницы
У вас — так что твой «Капитал»!

Да-с, мало есть имен солидней и почтенней,
Да дело все-таки не в том,
а в том,
Что в свет недавно вышел первый том
Моих произведений.
И вот, храня традиции поднесь,
Нуждаясь в ласке и защите,
Я эту книжечку спешу вам преподнесть,
А вы ее примите...
В былые дни поэт, взыскующий похвал
И не желавший стать затравленной добычей,
Блюдя классический обычай,
Посланье критику писал.
Подобный труд никак нельзя считать обузой.
«Румяный критик мой, насмешник толстопузый» —
Так Пушкин начинал изящно и не зло;
А дальше — как по маслу шло.
Другие времена — другие цели.
И нам от критики сегодняшнего дня
Нужна не болтовня,
А помощь в деле.
В статье понятной и простой
Меня превознося, а прочих обесценив,
Не вздумайте писать, что я второй Толстой
Или какой-то там Тургенев,—
Читатель поглазеет у витрин,
Но ни за что бумажник не раскроет...
Нет, нет, ни Гончаров, ни Чехов, ни Щедрин
Меня нисколько не устроят.

Товарищ критик, мне нужна статья,
Которая, умы и души ошарашив,
Доказывала бы, что я
Не кто иной, как Арцыбашев...
Пускай она читателю внушит,
Что мной позорится писательское званье,
Пусть репутации она меня лишит,
Но обеспечит мне повторное изданье.
Пишите так: что я лишен стыда,
Морали, совести и веры,
Общественного требуйте суда,
И, если можно, высшей меры!
И слух пройдет, и слава прогремит,
И процветут великие скандалы.
И я взлечу превыше пирамид,
Заполня все газетные подвалы.
Забрызгайте меня критической слюной
И, щепетильность всякую отбросив,
Доказывайте, что Калинников Иосиф
Душеспасителен в сравнении со мной.
Что может быть понятнее и проще?
Ругать во-всю! Вы поняли?
Алло!
Такой-то год, такое-то число.
И неразборчиво претенциозный росчерк...
Постскриптум. Я напомню вам опять,
Возможно, что я вам понравиться сумею,
Тогда статью уж лучше не писать...
Чорт с нею!..

Подарок молодым талантам

Есть немало очень важных тем,
Вызывающих восторг заранее,
Но едва ли есть милее, чем
Эта:
«молодое дарование»!
Строй советской трудовой земли
Обеспечен всеми предпосылками,
Чтобы таланты крепли и росли
Молодыми,
бодрыми
и пылкими.
И растут, действительно растут,
И словесность до края насытили
Тут и там,
И здесь,
и снова тут
Рифмотворцы-образоносители.
Не житье талантам — благодать,
Но помимо творческой возможности
Есть у них тенденция впадать —
В собственные противоположности!
Ежели галантный кавалер,—
Будь он Сашей, или, скажем, Ванею,—
Путает ямбический размер —
Это
«молодое дарование»!

Если этот самый «соловей»
Затевает, не расставшись с нянею,
Без году недельный юбилей —
Это
«молодое дарование»!
Если кто вопит на всю печать,
Возмущен критическою банею,
Что его
«нельзя, мол, обижать»,
Это —
«молодое дарование»!
Если кто-то манием руки,
Хочет сделать,
Приложив старание,
Двадцать строчек
из
одной
стро-
ки,
Это —
«молодое
да-
рование»!
Если кто ругнется оттого,
Что ругался Маяковский ранее,
Тут сомнений нет ни у кого:
Это —
«молодое дарование»!

Нам теперь поставить суждено
Тот вопрос, какого нет туманнее,—
Из чего же состоит оно,
Это —
«молодое дарование»?
Дарований истинных успех
Никакими не сдержать затычками,
Но сейчас мы говорим о тех,
Кто отравлен глупыми привычками.
Речь идет о тех, кто как на грех
Стиснут ироничными кавычками!
Средь поэтов молодой страны
Есть таланты истого призвания —
Есть и «молодые дарования»
С противоположной стороны!
Эти знают крепко аксиому,
На подножном сидючи корму:
«Что не разрешается другому,
Разрешается ему!»
И понять не может эта кроха,
Не уразумеет одного,
Что велик не он,
а та эпоха,
Что поэтом сделала его.

„Раннему Сельвинскому“

(К выпуску его юношеских стихов)

Бывало, когда умирает поэт,
То после него остается наследство:
Забытые строки, отдельный куплет,
Неясные опыты раннего детства...

И этот случайно отысканный лист
Чрез множество лет, вдохновенно ликуя,
Какой-нибудь тютчевец иль пушкинист
С большим комментарием опубликует.

Так жили поэты в прошедшие дни;
Но публика наша отлична от прежней,—
В признанье потомства не верят они,
Им слава сегодняшняя понадежней.

И вот результаты печальны весьма:
Куда ни посмотришь на книжную полку,
Тома и тома, тома и тома,
Бумаги до черта, а много ли толку?

Ведь будущее — это темная ночь,
Потомство — народец пустой и инертный,
И наши поэты до смерти непрочь
Вкусить от торжественной славы посмертной.

Сельвинский! Стихи у тебя хороши,
Критических сам не терплю я наветов,
Но все же напрасно и ты поспешил
Обкрадывать будущих сельвиноведов.

Кто не знает буквы ять

(Шутка)

Маленькая девочка, лучисто сквозная,
Не то чтоб очень маленькая,— восьми лет,
Гордилась, как курица: «Я все знаю!
Что меня ни спросишь,— дам ответ».
Я начал думать, натужась крайне,
И спросил злорадно минут через пять:
«Говоришь, все знаешь? Ну-ка, отвечай мне,
Что это такое:
　　　　буква ять?
Но моя Танюша отвечала смело:
«Этого — ты шутишь — нельзя не знать!
Если кто умеет делать свое дело,
Это значит —
　　　　делает на-ять!»

НА СТАРЫЙ ЛАД

Сон Татьяны

(Пародия для новогодия)

I

Легко ли угадать заране
И без фрейдистской болтовни,
Что видится во сне Татьяне
Глухою ночью в наши дни?
Я сам ничуть не верю в бога.
Таких, как я, довольно много,
Мы привиденья гоним вон,—
Но можно ль отвечать за сон?
Какой бы ни было в нем дури,
Сон, виденный лицом другим,
Неуловим, неощутим
И не подведомствен цензуре
Итак, пою Татьянин сон,
И в смысле формы
я спасен!

2

Морозна ночь. Все небо ясно.
Безбрежен снеговой простор.
Всю эту ночь от «Нови Красной»
Не отрывает Таня взор.
Литература ей кумиром —
Татьяна бредит «Новым Миром».
Она на дружеской ноге
С самим «Последним Удеге».
Она читает дни и ночи,
Читает стоя, на ходу
И ленинградскую «Звезду»
Предпочитает звездам прочим
За то, что пышно в ней возрос
Американский Дос-Пассос.

3

Закваска новая была в ней,
Но все ж не в силах совладать
Она с традициею давней
И вот — решилась погадать!
Гаданье — это род дурмана!
Остерегись, моя Татьяна!
Но нет, Татьяну губит страсть,
И я над ней теряю власть...
Чу, снег хрустит... Прохожий вышел,
И дева кличет из окна:

«Ответь!»
Желает знать она,
Других талантливей и выше
Какой писатель?
Смотрит он
И говорит:
«Пан-те-лей-мон...»

4

И снится дивный сон Татьяне...
Она, как много лет назад
В чудесном пушкинском романе,
В лесу блуждает наугад.
Но все ж видения девичьи
Имеют кое в чем отличье:
Татьяне пушкинских времен
Был близок глупый Ричардсон.
В искусстве нашем ни бельмеса
Не поняла б она. Никак
В ней ни Леонов, ни Пильняк
Не возбудили б интереса.
Ей Алексей Кольцов сродни,
А Михаил Кольцов — ни-ни!

5

Зато советская Татьяна
Сугубо знала МАПП и ЛАПП.
Она Молчанова Ивана
Смешать с Багрицким не могла б.

На что она была способна.
Мы после разберем подробно...
На чем, бишь, мы стоим? Пардон
Итак, Татьяне снится сон.
Ей снится сон. Какой?
Тот самый,
Что и когда-то снился ей:
И мостик, и под ним ручей,
И наконец медведь упрямый
Стоит, охальник, на мосту,
Как Либединский на посту.

6

Татьяна — «Ах!» На помощь кличет,
Медведь же, этакий прохвост,
По-дружески ей руку тычет
И переводит через мост.
И пред девические очи
Предстали и кусты и кочи
Пустые марева, мираж —
Сплошной «чертухинский» пейзаж
И настоящая морока!
Медведь опять ее берет,
Затем командует: «Вперед!»
И как бы во мгновенье ока
Рассыпалась лесная глушь,—
Пред ней Страстной и сам Пам Пуш.

7

Так происходит в час вечерний
Свиданье дочери с отцом:
Поэт на реверанс дочерний
Ответил бронзовым кивком.
Она слегка приободрилась,
И снова чудо совершилось:
Гигант, нарушив свой покой,
Движенье делает рукой
По направлению к хороме,
Что пышным снегом занесло,
И произносит: «Здесь тепло,
Погрейся в Герценовском Доме».
Татьяна дух перевела
И — делать нечего — вошла.

8

«Опомнилась, глядит Татьяна.
Медведя нет — она в сенях.
За дверью крик и треск стакана,
Как на больших похоронах...»
Я вынужден просить прощенья:
Из пушкинского сочиненья
Четверостишие одно
Я только что стащил. Оно
Для описанья сих моментов
Незаменимо: тот же звон,
И блеск, и треск со всех сторон,

И шум, и крик на сто процентов,—
Итак, цитата эта мне
Уместной кажется вполне.

9

И перед взорами Татьяны,
Как будто по команде «пли»,
Литературные смутьяны
Предстали. Соль родной земли
Рассыпана по коридорам;
Здесь на ходу летучий кворум,
Там кто-то сочинил романс,
Тут кто-то требует аванс,
Одни едят — другие платят
(Внизу — в подвальном кабаке).
Иной с бумажкою в руке
Чистосердечно плагиатит
Чужое скудное вранье.
Но все кричат: «Мое, мое!»

10

Ну, что ни рожа — то спасибо!
Посмотришь — так бросает в пот!
(Иные пушкинским могли бы
Дать фору сто очков вперед.)
Мы по порядку обозначим:
Сергей Клычков с хвостом лошачьим,

Никола Клюев — муж честной,
Орешин с бочкою квасной,
А там Сельвинский поспешает
На боевом своем бобре,
Там в мутной месяца игре
Суркова с Уткиным венчают,
А тут при публике при всей
Ликует Жаров юбилей!

11

Раздолье гномам, эльфам, сильфам...
Я второпях не разобрал,
Петров ли сел верхом на Ильфа
Иль Ильф Петрова оседлал,—
Но оба едут, яко тати,
Верхом на «Золотом Теляти»:
А здесь Афиногенов — ах! —
Впадает в неизбежный «Страх»;
Алея, словно цветик маков,
Толстой справляет торжество;
А тут серьезно, делово
Корежит Гоголя Булгаков —
То, что трактует наш устав
Как вынужденное соав —

12

Торство... Конечно не упишет
Всех этих дел мое перо...

Татьяна спит, неровно дышит,
Проснуться было бы добро.
Но нет, не размыкай ресницы!
Тебе не то еще приснится,—
Не просыпайся, погоди,
Главнейший козырь впереди!
Татьяна чуточку устала
От впечатлительного сна.
Пред нею снова дверь. Она
Ее толкает, входит в зало,
И увидала...— тьфу-тьфу-тьфу!
Опять-таки в одну строфу

13

Не уместить... Татьяна внемлет:
Профессора, усевшись в ряд,
Свои брады уперли в землю
И говорят... и говорят...
Тоскливо, скучно, бесконечно...
О ком? О Пушкине конечно,
О том, кого поэт любил,
Какие брюки он носил;
Подробные наводят справки
Насчет разбитых им сердец;
Выпытывают наконец,
Имел ли Пушкин бородавки,
А если нет — то почему
Судьба их не дала ему.

14

Как быть с таким листом опросным?
Тут было много знатоков —
Один, другой и третий Гроссман,
Не меньше тройки Гроссманов.
Один — Иуда Забиякa,
Другой — наперсник Д'Аршиака,
И третий Гроссман также был
(А как зовут его — забыл),
Академический Пиксанов,
Ортодоксальнейший Благой;
Исследователь удалой,
Формалистичнейший Тынянов
Покинул на день Ленинград,
Чтоб сделать для Москвы доклад.

15

Один из них довольно рьяно,
К Татьяне подойдя, спросил:
«Кто вы такая?» — «Я — Татьяна.
Меня поэт удочерил».—
«Татьяна? Ларина?» — «Бесспорно!» —
«Но утвержденье ваше вздорно,—
Я им знаком, я им сосед.
Ей было бы сто с лишним лет!
А вы — поддельное изданье,
Вы самозванка!» — «Вы нахал!»

Тут он руками замахал
И завопил на все собранье:
«Позвольте вам отсюда вон!»
И... оборвал Татьянин сон.

16

Она проснулась — в том же месте,
В каком заснула в поздний час;
Казалось бы, на этом месте
Оканчивается рассказ.
И я задерживать не стану.
Но все же за свою Татьяну
Просить прощенья должно мне
У тех поэтов, что во сне
Ей не явились. Все поэты
В один и тот же быстрый сон
Своих пленительных персон
Не уместят. Те, кто задеты,
Пусть не таят обиды гнет,
А кто забыт — пусть подождет.

17

Абрам Эфрос, Семен Кирсанов,
Ефим Зозуля, Луговской,
Никифоров, Иван Молчанов
И Низовой, и Яровой,
Каменский с Ледой полуголой,

Другой Каменский, просто полый,
И — это ль наконец не срам? —
Был позабыт Малашкин сам!..
Татьяна больше не гадает,—
Прок от гаданья никакой,
Но вывод делает такой:
Кто наяву надоедает,
Никак не может в сон войти.
На том, читатель мой, прости!

2 Гамлет 2, или спор двух Гамлетов из-за классического наследства

Участвуют:
Гамлет, который мямлит,
и
Гамлет, который не мямлит.

(Сцена представляет собою сцену, которую делает постановщик Акимов драматургу Шекспиру за то, что тот написал явно несозвучную эпохе пьесу.
На сцене—Гамлет шекспировский, не прикрашенный, меланхолично-упадочный.)

Гамлет первый.

Быть или не быть? —
Вот в чем вопрос.
Что благороднее, честнее:
Пройти ли жизнь дорогой слез
Иль навсегда расстаться с нею,
Порвав запутанную нить?
Что делать?
Быть или не быть?

(Застывает в позе напряженной сосредоточенности Входит Гамлет второй).

Гамлет второй.

Быть иль не быть!
Завел волынку!
Не время ли сменить пластинку?
Все при тебе — и честь и месть.

Но это больно надоело.
Я по-иному ставлю дело
Быть иль не быть?
Сесть иль не сесть?

(Примеряет королевский трон к своему сиденью

Гамлет первый.

Мой боже, я убит примером:
Какой-то юноша, оперившись едва,
Берет себе мои слова, слова, слова
И произносит их таким манером,
Что прямо пухнет голова!

Гамлет второй.

Что ж, братец, хныкать — ваше право!..

Гамлет первый.

Как смеешь ты, наглец?

Гамлет второй.

Умерьте вашу прыть —
Я не согласен мудрствовать лукаво
И говорю определенно:
быть!

Гамлет первый.

Чему?

Гамлет второй.

Мне королем! Я заберу порфиру!

Гамлет первый.

А я пожалуюсь!

Гамлет второй.

Кому?

Гамлет первый.

Шекспиру!

Гамлет второй.

Иди, зови отживший мир!
Скликай на помощь херувимов!
Шекспира не было, а если был
Шекспир —
Ему фамилия Акимов.

Гамлет первый.

Ах, так! Тогда вопрос решу я сам.

(Обнажает шпагу).

Гамлет второй.

Прекрасно, я готов. Постой-ка!

Гамлет первый.

Ты упрощенец! Я тебе задам!

Гамлет второй.

Ты — буржуазная прослойка!

(Начинается жестокий поединок, во время которого постановка старого и опытного мастера режет пьесу молодого, начинающего драматурга)

Шекспир

(мирно ворочаясь в гробу).

Сражен мой Гамлет наповал.
Ужо новаторы мне эти:
Одним — успех,
Другим — провал,
И так ведется все на свете!

От Грибоедова чтение

Есть критиканы труд которых прост:
Они в высокопарном штиле
Желают поэтической кобыле
Пришить идейно выдержанный хвост.

Сие занятье тяжело, как схима.
Как не промолвить Чацкому вослед:
«А судьи кто?
За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен **Деникина** и покоренья Крыма!»

Двурушник

Животрепещущая тема:
Недавно вышла в свет поэма.
А некий критик-грамотей
Дал в две редакции два отзыва о ней,
Логической не спаянные связью.
Какой его толкнул на это бес,
Не знаю, но в одном ее смешал он с грязью,
В другом
вознес до самых до небес.
Четверорук он, двухголов он —
Не все ль равно, каков суровый критик сей!
Но не о нем ли сказано Крыловым:
«Избави бог и нас от этаких судей!»

Мне не смешно,
Когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьер.

САЛЬЕРИ

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Рапсодия о серебряной ложечке

День-день-день да сегодня безветреный,
Пригласил писателя в гости НЭП —
И — эх вы, ложечки, да мои серебряны,
Со стола да за пазуху — гэп!
Чтой-то кому-то в морду полетело, :
Запшикали мильтоны, и пошла! матня!
По очереди спе-орли, ккому ккакое де-ело —
Я ли у Бабеля? Иль Бабель у меня?
Утили, путили — титери да ятери,
Я ли да прибор на всех не па! ла! жил!
Мы конструктивисты,
мы марксисты-матери —
Матери-е-л-и-есты. Чтоб. Я. Так. Жил.
Грянем же дружно над Политмузеем,
Над Политехническим на весь СССР —
А. Б. В. Г. Д. Ж. З. И.
К. Л. М. Н. П. С. Р.,
Чтобы вся Москва
содрогнулася от зыка!..
Чтобы нам призна'али к будучей весне...
Сельвинский був такий:
вычерчен языка,
Маленьки вусыки
ТА НА НОСУ ПЕНСНЕ!..

1926 г.

Как убивают бобра

Купалси бобер,
Да не выкупалси.
«ПУШТОРГ»

Тпруды, бурунды, белая медведь.
Пао-пао льдовая копать.
Белая медведь начинала реветь,
Хотела чего-нибудь лопать.
Увидала медведь бобра и бряк —
Бобер ей больню лаком.
А бобер-от сам был не дурак,
Отвечает медведи:
«Маком».
Мне смерть не к добру
Сберегу-ка я живот.
Не лучше ль бобру
Д'пойти на завод?
У меня ль бобра,
Д'кишка тонка?
Стану я с утра
Да за три станка!
Постою денек —
Срубану пенек,
Напишу стишок,
Словно ар! ти! шок!
Заявлюся в цех,
Заварю кожух.
Скажут слева: «Ээ-эх-эх!»

Скажут справа:
«Ух!»
Отражу в стихах
Дух больших эпох.
Скажут сзади:
«Ах!»
И спереди:
«Ох!»
Раззвоню по всем углам,
Как делается лам-
почка —
точка!!!

Таков поэт,
Он соблюдает такт
И видит жизнь и правильно и честно.
Но про один завод он пишет так,
Что на другом
уже неинтересно.

1936 г.

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

Дума про Эдуарда

Вы послухайте, ребята,
Слухайте, суседи:
Были на селе два брата —
Опанас да Эдя.

Не одна во поле чистом
Дороженька вьется,
А одна — к конструктивистам,
Другая к махновцам.

Не шуми ты, мое жито,
Не лайте, собаки, —
Опанас пошел в бандиты,
Эдуард — в писаки!

Было Опанасу скучно,
Зарядил нагана
И убил собственноручно
Иосифа Когана.

Нацепил Панько кокарду,
И — кругом шашнадцать!
А за это Эдуарду
Пришлось распинаться!

Ой, лиха беда стряслася!
Что-то только будет?
Эдуарда с Опанасом
Смешивают люди.

Ой ты, песня, лейся тише
Над скошенным стогом.
Кто ж статью про Эдю пишет?
Опять-таки Коган!

Пишет Коган, пишет яро
Про Махнову сгоночь,
Да не тот, что комиссар, а
Тот, что Петр Семеныч!

1928 г.

Я и мои родители

Отец мой был не боцман и не шкипер,
На шабаш мать не перла на свинье;
Я родился на самый иом-кипур
В лишенной правожительства семье!
И не было в отечестве пророка —
Я не понравился своей родне:
Вертелся вол;
чиж грохотал;
сорока
Мне пела песни о грядущем дне;

Свистели раки;

где-то рыба пела;

И соловей кричал:

«Кукареку!..»

Такого дня —

отчаянное дело! —

Никто не вспомнит

на своем веку.

Я стал расти богатырем одесским,
Томился в горести семейный круг.
Отец пытал своих соседей: «Дескать,
В кого пошел такой башибузук?»
«Какой нахал!»

кричала тетя Фейга,

Ей грозно вторил дядя Соломон.
Вопила мать:

«Определенно — шейгец»,

А дедушка прибавил:

«Лапацон!»

Почтенные евреи и еврейки
Твердили мне насчет моих поэм:
«Зачем тебе чижи и канарейки?
И зяблики зачем тебе, зачем?»
Довольно прародительского хлама,
Довольно хлама, слышите ли вы?
Я говорю: «Прощай, Одесса-мама!
И еду вскачь

до матушки-Москвы!»

Там, средь поэтов вялых и недужных,
Не знающих про творческий наркоз,
Я стану славен

как поэт-биндюжник,

И как романтик,

и как водовоз.

И никогда

никто

не скажет:

«Враки»,

Когда в стихе, который я сотку,
Взревет белуга

и засвищут раки

И соловей

споет

«кукареку!».

1930 г.

ВЛ. ЛУГОВСКОЙ

Переделка

«Возьми меня в переделку
И двинь грохоча вперед!»

В моей семье инженеры, врачи в моей семье.
У меня хорошие манеры, я рыбу ножом не ем.
Но это насмарку, мелко, как карт надоевший крап.
Возьмите меня в переделку и сделайте членом РАПП!

Я помню: гимназия, пасха, мундирчик, шитый на рост,
И я на балу с опаской целую кузину взасос.
Мне страшно взглянуть с похмелки на этот пройденный этап.
Возьмите меня в переделку и сделайте членом РАПП!

Я вырос и сделал выбор — к чертям Готье и Вилье.
Поверил я Вере Инбер, нашел пророка в Илье.
И началась перестрелка, и я маленько ослаб...
Возьмите меня в переделку и сделайте членом РАПП!

«Сезам,— я кричу, натужась,— откройся моим глазам!»
Но вдруг оказалось — о ужас! — что сезам совсем не сезам,
Что в общем — судьба индейка, а жизнь — сплошное трепло,
Что я хотел переделки и вот попал в переплет.

ВЕРА ИНБЕР

Манон Леско и я

Читатель, друг! От хохота не прыскай
И не свисти, пожалуйста, в кулак...
Я сделалась на-днях конструктивисткой.
Не знаю, как.

Но в тот же день — подробности излишни,
Воспоминанья тяжелей тисков —
Ко мне пришла подруга дней давнишних —
Манон Леско.

Она пришла ко мне и в нервной дрожи,
Переведя с большим усильем дух,
Сказала так:
«Что слышу я, о боже,
«Мой милый друг!..

«Конструктивизм! Неслыханные речи!
«От них, ма шер, не будет вам житья.
«Мы плакали над вами целый вечер,
«Мой де Грие и я!»

Внимая жалобам многострадальной,
С достоинством, нисколько не спеша
Я отвечала просто и локально
«Алеша-ша!

Иль вы думали, что ежечасно
Я буду петь манто или авто?
Так я уже на это не согласна
И ни за что!

Пусть конкуренты корчатся от злости.
Секрет сокрыт не в силе, не в уме,
А только лишь в орга-низован-ности,
Ву пониме?»

Манон Леско прослушала тираду,
Подумала, дыханье затая,
И отвечала:
«Если это надо,
«Тогда и я!

«Я поняла. Не надо комментарий.
«Я к производству повернусь лицом.
«Мой де Грие — он тоже пролетарий,
«Другим концом».

И зажили мы весело и мирно,
В конструктивистский перейдя закон,
И с этих пор зовется наша фирма
«Манон Леско и К°».

1929 г.

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

Небритый энтузиаст

У моря
я
Сидел
и ждал
погодки,
и вдохновенья
не было словам.
Друзья мои!
Ровесники!
Погодки!
Вы знаете
ли,
что
Скажу я вам?
Возможно ли
в одном
четверостишьи
воспеть
и поколенье
и страну? —
Товарищи!
Голубчики!
Братишки!

Позвольте, я
еще разок
начну!..
Теперь пойдет —
Держись — не оплошать бы!
Сок потечет
С под каждой
пятерни!
Голубчики!
Вагранночки!
Планшайбы!
Динамочки
и даже шестерни!
Я вас люблю со скоростью
в сто двадцать
сил
лошадиных
на шальном
ветру.
Товарищи мои!
Братишки!
Братцы!
Когда не верите,
пускай помру.
Я технику,
единственную в мире,
сумел постичь
в наикратчайший
срок!

И делаю
четырежды четыре
из четырех
обыкновенных
строк.

А ежели
о кризисе
бумажном
пойдут бубнить
газетные статьи,
так это же
в конце концов
неважно,
знакомые,
родные
вы
мои!

И без бумаги
землю протаранят
мои
великолепные
слова.
Вы слышите,
братишечки,
братаны,
брательники,
братухи
и братва!

Ласточка поет

Какая чудная погода!
Весь город солнышком согрет!
Я только что пришел с завода,
И вообще мне двадцать лет!

Ах, комсомольцы! Ах, рабфаки!
Ах, Октябрю! Ах, Октября!
Я! восклицательные! знаки!
За! каждым! словом! ставлю! зря!

Что мне зима? Что снега комья?

Я молод, весел, я поэт.
И двадцать лет пою о том я,
Что мне всего лишь двадцать лет.

Мой беглец

Сегодня в течение целого дня
Я грустен, как никогда.
Мой стих сбежал от меня, паскудняк
И не сказал, куда.
И я сижу в непосильной борьбе
За столом четыре часа.
И выходит, что стих — сам по себе
И я — по себе сам.
Звоню в редакцию:
— Если придет
За подписью чужой,
Скажите, чтоб этот идиот
Немедленно шел домой.
Секретарь в ответ:
— Товарищ Светлов,
Вы лучший поэт наш,
Но на свете много хороших стихов,
Как же узнать ваш?
И я ему говорю:
— Ха-ха-ха!
Вы огромный чудак!
Или вы не узнаете моего стиха?
Я говорю так...
Секретарь немедленно стал толков
И сказал, улыбаясь чуть:

— Теперь узнаю, товарищ Светлов,
И ни за что не пущу.

Я успокоился, сразу стих,
Но теперь волнуюсь опять:
А вдруг они могут мой стих
За гейневский принять?

Н. ТИХОНОВ

Баллада о балладе

Не пастух собирал поштучно
Разношерстное свое стадо,—
Это я сидел собственноручно
За столом и писал балладу.
То не висли виноградные грозди,
Не самум на Иматре возник,
Это я беру простые гвозди
И балладу делаю из них.
Тут-тук —
тук-тук-тук —
молотку в ответ
Родилась баллада про синий пакет,

Свежа и оригинальна вполне:
Кто это там при звездах и луне
Ветра буйного впереди
Едет, пакет прижимая к груди?!
Держит казак путь на Москву,
Поедая пространство, воздух, траву!
Едет поле, поле бежит,
А он пакетом своим дорожит.
Летит земля в голубую тьму,
А он пакет не отдаст никому.
Сам с самолета летит, как баласт,
Но только пакет никому не отдаст.
Зачем же пакетом он дорожит?
Затем, что в пакете баллада лежит.
Баллада о том, как синий пакет
Везет он печатанья на предмет,
О том, как он едет с зари до зари...
О том, как он едет....
начало смотри!

Гвозди бы делать из этих строк,
Был бы от строк
настоящий прок.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

Ум за разум

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей
Спит животное Собака
Дремлет птица Воробей

(Н. ЗАБОЛОЦКИЙ, журнал „ЗВЕЗДА", № 2-3, 1933 г.

„Уме недозрелый, плод недолгой науки,
Покойся, не понуждай к перу мои руки!
КАНТЕМИР

Ночь.
Спешит к покою всяка
Проживающая тварь.
Меркнет знаков Зодиака
Полноценный инвентарь.

Рак налег на Водолея
И храпит себе во-всю.
Козерог, впросонках блея,
Жмется к Зверю-Карасю!
Спит Земля и силы копит,
Чтобы были у нее.
Спит различное млекопит-
ающееся Зверье!

Шум и гомон никнет, тихнет.
Ночь торжественно плывет.

Лошадь спит, Корова дрыхнет,
Дремлет птица Антрекот.

Колотушка тук-тук-тук.
Много в мире разных штук.
Я устал.
Желаю спать.
Раз-два-три-четыре-пять.
Я смотрю бессонным глазом
И пытаю мысль свою:
«Что с тобой, мой бедный разум?
Я тебя не узнаю!
Ты случайно или сдуру
Перепутал сон и явь!..
Смерь себе температуру
Иль клистир себе поставь!»

Но не слушает рассудок,
В мыслях преет Ерунда...
Не прочистивши Желудок,
Не заснете никогда...
Колотушка тук-тук-тук.
Много разных штук, штук, штук.
Всюду сонь и глушь и тишь...
Разум, что же ты не спишь?

Спит Земля и силы копит,
Чтобы были у нее.

Спит различное млекопита-
ющееся Зверье.
Спят Гиены в диком Поле.
Спят Шакалы у Воды.
Спит Звезда,
и даже боле:
Спит
Редакция
«Звезды».

МЕЛКИЙ БИСЕР

«Мое собранье насекомых»
ПУШКИН

„Гамлету“ (у вахтанговцев)

Беднягу принца сняли с пьедестала
И подложили под него... фугас
«Какое сердце биться перестало!
Какой светильник разума погас!»

Акимову

Акимов как художник одарен,
Как режиссер
не столь великолепен,
Но все же Гамлета поставить так, как он
Не смог бы ни Крамской, ни Репин.

Гоголю

Писатель, сделавший великую эпоху,
Ты умер, но твои герои в наши дни
Живут,—
а было бы неплохо,
Когда бы жив был ты, а умерли они.

Всеволоду Вишневскому

Он «Первой конной» бил врага в упор,
Имел успех солидный и законный.
Но все, что он ни пишет, с этих пор
Зовется «Тыща Первой Конной».

Певцу Батурину

Эпиграмма летучая —
не укол, а царапина —
Улыбается весело
и немного прищуренно.
Почему-то Батурина
называют Шаляпиным,
Отчего же Шаляпина
не считают Батуриным?

Игорю Ильинскому

Ильинский Игорь — он смешно
Умел проделать всякий номер —
Театр покинул для кино
И раньше срока
Межрабпомер.

Косте Рябцеву

Вышло в свет листов печатных тридцать,
И уже заметен результат:
Костя Рябцев научился бриться,
А роман, пожалуй, длинноват.

Пантелеймону Романову („Новая скрижаль")

Почтенные, знакомые слова:
Мораль... Любовь... И в новый быт ступенька.
Скрижаль, быть может, и нова,
Да тема больно уж старенька.

Леониду Гроссману

Все изменилося под нашим зодиаком,—
Рак козерогом стал,
а Гроссман — Д'Аршиаком.

Мейерхольду

Ты памятник себе воздвиг в новейшем духе
К нему не зарастет народная тропа.
Ты делывал слонов не только что из мухи,
Но даже из «Клопа»!

Б. Ромашеву
(„Огненный мост“)

А сестра — своя «на-ять»!..
Брат — поручик инфернальный.
До чего оригинально,
Невозможно передать!

Виктору Шкловскому

Формалистический застой
Весь передержками искраплен.
В кино ты смыслишь, как Толстой
В литературе — словно Чаплин!

Юрию Олеше

Приветствую расцвет твоей весны.
Да будет стих мой для тебя, как пряник!
Ты метил Достоевскому в сыны,
А вышел...
Боборыкину племянник.

М. Светлову

Насчет того и другого,
Про всякий вздор
У Гейне и у Светлова
Был большой разговор.

На русско-немецком наречьи
Говорил с поэтом поэт...
Светлову везет на «встречи».
А Гейне — таки нет.

Ефиму Зозуле

Роман Зозули «Собственность» с трудом
Я одолел.
Зозуля — не Прудон.
Прудон сказал,
что «собственность есть кража».
А это —
времени пропажа!

Скутаревскому

Слог превосходен — это видно,
Идеи — просто благодать,
Но до чего же мне обидно,
Что скучно мне тебя читать!

М. Левидову

Левидов от ума большого
Стал подражать Бернарду Шоу.
Но то, что хорошо у Шоу,
То у других —
нехорошо.

Оглавление

ОТДЕЛ 4

Мелкий бисер (эпиграммы)